

погода' ¹²⁹, рус. диал. *пѣморок* 'пасмурная погода', псков., твер., осташ. *пѣморочь* 'темнота от набежавших туч'; 'бессознательное состояние человека, столбняк' ¹³⁰ и твер. *пѣморок* 'мелкий частый дождь в виде тумана' ¹³¹, ср. еще *марѣкѣсить*, *маркосѣть* ¹³², *меркасѣть*, *меркосѣть* ¹³³ — всё 'идти (о мелком дожде)'; ср. также укр. *мгѣчка* 'мелкий дождь' ¹³⁴.

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

19. К этимологии слов с основой *моск-от*'-

В словарях русского языка XIX в. мы находим статью: «*Москоть* ж. собир. Так называется вообще краски, селитра, купорос, нефть и пр. Торговать москотью» ¹. Со временем заглавное слово этой словарной статьи видоизменилось: «*Москатель*, -и, ж. собир. Некоторые химические вещества (краски, клей, масла и др.) как предмет торговли» ².

Слово *москоть* признается заимствованным либо из греческого *μῶσχος* > *μῶсхос*, известного, в частности, и в значении 'мускус' ³; либо из голландского *muskaat* или немецкого *Muskat(e)* ⁴.

Возведение *москоть* к греческому *μῶσχος* > *μῶсхос* следует признать недоразумением, потому что греч. [о] в словах, заимствованных устным путем, последовательно передается через *ou* [u], ср. *артоуць* 'освященный хлеб' — *ἄρτος*; *моускоуць* — *μῶсхос* < *μῶсхос*; *пароуць* — *φᾶρος*; *оуксоуць* — *ὄξος* ⁵ и т. п. Кроме того, необъясненным остается и замена греч. конечного *ς* в славянском на [т'], не говоря уже о семантических затруднениях (см. ниже).

Таким же необоснованным является признание слова *москоть* заимствованным из голландского *muskaat* или нем. *Muskat(e)*, так как звук [u] при заимствовании не подвергся бы изменению.

¹²⁹ Гринченко II, 451.

¹³⁰ Доп. к Опыту, с. 198.

¹³¹ Доп. к Опыту, с. 172.

¹³² Даль³ II, стб. 779.

¹³³ Указ. соч., стб. 837.

¹³⁴ Гринченко II, с. 414.

¹ Словарь Академии Российской, ч. III. СПб., 1814, с. 861; Словарь церковно-славянского и русского языка, т. II. Изд. 2. СПб., 1867, с. 681; Даль³ II, стб. 913.

² Ушаков II, с. 264; ССРЛЯ 6, стб. 1285.

³ Miklosich, S. 202; Преображенский I, с. 559.

⁴ Фасмер II, с. 661.

⁵ Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды, III. СПб., 1909, с. 4, 35, 131, 144, 208; Селищев А. М. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, с. 119; Бернштейн С. Б. Балто-славянская общность. — В кн.: Славянская филология, I. М., 1958, с. 53 и след.

(Правда, у Срезневского *мошкатъ* со ссылкой на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина по сп. XVI в. ⁶) Заимствование из голландского языка могло совершиться не ранее XVII—XVIII вв. Однако слово *москотъ* употреблено в берестяной грамоте № 413, датируемой (стратиграфически, чему не противоречат и палеографические данные) началом XV в., причем в значении, не связанном с голл. *muskaat*. В берестяной грамоте № 413 некто Семен (отъ смона) обращается с челобитьем к попу Ивану: цо бы еси моего *москотъа* . . . пересмотреле дадбы хорь не попортиль ⁷.

Москотъа — род. п. ед. ч. от *москотье*, т. е. от собирательной формы, образовавшейся присоединением суф. *-ье* к *москот* — так же, как *бисерье* от *бисерьъ*, *былье* от *была*, *зелье* от *зель*, *перье* от *перо* и т. д. При этом *москотье* обозначает вещи, которые может попортить моль (слово *хорь* известно и в значении 'моль', 'гля' ⁸).

В памятниках старорусской письменности к москотиным товарам, помимо химических веществ, относили много других предметов. Приведем несколько примеров (в основном из картотеки ДРС): А Ивашкова. . . *москотинного* товаръ две коробки а в них. . . сто мошон женских. *н* мешечков шолковых. . . (1648 г.) ⁹; . . . *москотинного* товаръ две коробки а в них. . . *и* киндяков уских *н* козырей бархатных ¹⁰; явил товару. . . 33 чулки и рукавицы вязаные (1634 г.) ¹¹; въ ту же коробью положена мошна вязаная. . . да мошна шитая. . . (1657 г.) ¹²; куплено в *москотильном* ряду голубцу (голубая медная краска) еунт. чем крашены въ комединых полатахъ. . . (1673 г.) ¹³; куплено. . . въ *москотильномъ* ряду 15 фунтов клею. . . (1687 г.) ¹⁴ и т. п.

Мошна, *мошня* — это сумка (дамская), вид кошелька. Мошну носили на поясе или на цепочке, ср.: поясъ верхней. . . на немъ же мошна. . . ¹⁵; я же даю за дочерью. . . приданного. . . чепочка серебряная. . . на той чепочки мошня низаная (1692 г.) ¹⁶.

⁶ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л., 1948, с. 21 и сл.

⁷ Арциховский Л. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962—1976 годов. М., 1978, с. 15, 17—19. В грамоте № 413 употреблено только *ь*; *ц* вм. *ч* и *ц*; характерный для новгородской письменности перфект с неясным окончанием *-е*: *еси*. . . *пересмотреле*; ср. еще: *въдале есь* (берест. гр. № 19); *еси приходиле* (берест. гр. № 105) и т. д.; *дадбы* по описке вм. *дабы*.

⁸ Даль³ IV, стб. 1225.

⁹ Таможенные книги Успенского Тихвинского монастыря. — Рукопись ЛОИИ, ф. 132, оп. 2, л. 50.

¹⁰ Там же, л. 50 об.

¹¹ Таможенные книги Московского государства XVII в., т. 1. М.—Л., с. 123.

¹² Роспись всяким вѣщам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова. . . — В кн.: Чтения ОИДР, кн. 3, отд. 1. М., 1887, с. 79.

¹³ Московский театр при царях Алексее и Петре. — В кн.: Чтения ОИДР, кн. 2, отд. 1. М., 1914, с. 30.

¹⁴ Дополнения к Актам историческим, т. XII. СПб., 1872, с. 318.

¹⁵ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст., ч. II. М., 1915, с. 786.

¹⁶ Акты Московского уезда XVII в. — Рукопись ЛОИИ, карт. № 79.

Заметим, что мошны, чулки, рукавицы вязались обычно из шерстяной нити, их прежде всего портила моль.

Таким образом, из приведенных данных видно, что к москотинным товарам относились как изделия из шерсти, различных тканей, кожи (ср. мошна ременная (1654 г.)¹⁷, так и краска, клей и т. п.

В памятниках зафиксированы следующие производные от основы *москот'*: *москотье*, *москотинный*, *москотильный*. Последняя форма из *москотинный* в результате диссимилиации *н'н > л'н*¹⁸; на базе последней позже появились *москотельный*, *москательный* по аналогии с такими прилагательными, как *растительный*, *дательный* и т. п. и образовалось новое существительное *москотиль*, *москотель*, ср.: А приѣдетъ новгородецъ на Ругодивъ съ воскомъ или съ бѣлкою или *москотилемъ* (1481 г.)¹⁹. Следует отметить существование формы *москотина*, от основы которой образовано прилагательное *москотинный*, а также фамилия *Москотиневъ*, ср.: Иванъ *Москотиневъ* челом бьет²⁰; существительное *москотинникъ* образовано от основы прилагательного, ср.: на суде были дворяской Ермола да Сурень *москотинникъ* да Боракъ Кожевникъ (до 1470 г.)²¹. Глагольные формы не встретились.

Таким образом, в процессе естественного словообразовательного процесса оформились *москоть*, *москотье*, *москотина*, *москотинный*, *москотинникъ*. Помимо этого, в результате утраты ощущения живой основы возникли слова *москотильный*, *москотельный*, *москотиль*, *москотель*, свидетельствующие о том, что первичная основа стала немотивированной.

Но и основа *москот'*, по всем данным, производная, такого же типа образование, как *вѣхъть* 'мочалка, тряпка' (первоначально 'связанный пучок травы') от *вѣха* 'трава, растение'²², ср.: *вѣхоть* соломы даль (1228 г. — Ипат. лет., л. 301 об.)²³; въспотивса штерь са *вѣхтемь* (1071 г. — Ипат. лет., л. 65 об.)²⁴. Суф. *-ть* имеет соответствие в балтийских языках: *-utis*, ср. др.-прус. *nagutis*, лит. уменьш. *nagùtis* и слав. **nogъть*; ст.-слав. *тръхъга* или *тръхътъ* *minutum*, чеш. *trochet* 'крошка', лит. *tru-pùtis* 'крошка' от *trùpinti* 'крошить'²⁵. Таким же образом *москоть* < **mosk-ъть*. Образование прилагательного от основы

¹⁷ Акты Астраханской воеводской избы XVII в. — Рукопись ЛОИИ, ф. 178, № 2922.

¹⁸ *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, с. 109.

¹⁹ *Срезневский* II, стб. 176.

²⁰ Грамотки XVII—нач. XVIII в. М., 1969, с. 154.

²¹ РИБ, т. 32. Пг., 1915, с. 35.

²² *Филин* 4, с. 208 и след.

²³ ПСРЛ, т. II, с. 912.

²⁴ Там же, с. 166.

²⁵ *Meillet. Études*², p. 288; *Trautmann BSW*, S. 192; *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1906, S. 451; *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves, t. IV. Paris, 1974, p. 699 e. a.

москотин-а свидетельствует, что основа *москот'* — уже в XIV—XV вв. была немотивированной. Вообще образования типа *вѣхѣть*, *москѣть*, *трѣхѣть* и т. д. относятся к древнейшим²⁶. По-видимому, суф. *-ѣть* < *-utis* первоначально был с уменьшительным значением, о чем можно судить по тексту Л XII, 59, где сказано: не імаши ізити отѣждѣ (т. е. из темницы — А. Л.) дондеже і послѣдњи *трѣхѣть* въздаси (Зогр. л. 183). Это явно перевод лат. *non exies inde, donec etiam novissimum minutum reddas*; в греческом. . . τὸ ἔσχατον λεπτόν ἀποδοῖς. Греч. *λεπτόν* не переводили.

Первичное значение основы *моск-* ныне не ясно, но употребление слова *москотье* в берестяной грамоте № 413 позволяет предполагать, что этим словом обозначались вязаные из шерсти и, может быть, суконные изделия. В этом случае *моск-* восходит к и.-е. **mezg-* / *mesk-* 'вязать, плести', ср. лит. *mezgù*, *mègsti* 'вязать, плести'; *māzgas*, лтш. *mazge* 'узел', лит. *makstyti* (*ks* < *sk*) 'плести', др.-в.-нем. *māscā*, англосакс. *mōes*, др.-исл. *mōskvi* 'петля' и т. д. Сюда же под вопросом относят рус. *мазгарь* 'паук'²⁷. *Мазгарь*, вполне возможно, из *мозгарь* — либо по межслоговой ассимиляции, либо под влиянием аканья. По происхождению неславянский, суф. *-арь* употребляется с древних пор, ср. *грѣньчарь*, *знахарь*, *лѣсарь* и др. *Мозгарь* 'плетельщик' (о пауке). Рядом в том же значении фиксируется *мизгирь*, которое должно быть из *мезгирь* или *мѣзгирь* по типу: *водирь*, *поводирь*, *косирь* и т. п. После перехода *gy* > *gi e* в первом слоге по ассимиляции стал звучать как *i*, что неоднократно отмечалось многими исследователями²⁸.

Торговля москотинным товаром на Руси была сильно развита. Так, по ведомости о составе посадских людей города Чебоксар в 1721 г. «купецких и мастеровых» значилось более 330, из которых 92 либо «сидит за москотинным товаром в лавке», либо «ездит с москотинным товаром в разные уезды»²⁹. Как мы показали выше, уже в XVI в. состав москотинного товара был весьма разнообразен, так что удельный вес вязаных вещей мог быть незначительным. Возможно, этот факт повлиял на деэтимологизацию основы *москот'* -.

20. *Шупашкар* (*Šubaškar*)

Приведенное слово является чувашским названием города Чебоксары. В известном словаре Н. И. Ашмарина оно приведено в трех вариантах: *Шапашкар*, *Шопашкар*, *Шупашкар*³⁰, из которых

²⁶ Фасмер I, с. 308.

²⁷ Pokorny, S. 746; Fraenkel, S. 426 e. a.; Trautmann BSW, S. 172 e. a.

²⁸ Zubatý. Etymologien. — AfsI Ph, 1893, XV, S. 479; Berneker II, S. 28; Trautmann BSW, S. 172; Фасмер II, с. 558, 619 и след.

²⁹ Димитриев В. Д. Документы по истории г. Чебоксар XVII—XVIII вв. — Учен. зап. НИИ языка, литературы и экономики, вып. XXI. Чебоксары, 1962, с. 289—306.

³⁰ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка, вып. XVII. Чебоксары, 1950, с. 126, 224.

написание и произношение слова с начальным *ша-* представляется более древним. В чувашском языке [a] в начальном слоге, лабиализуясь, перешло в верховом наречии в [o], а в низовых наречиях в [u]³¹. Этот фонетический процесс бесспорно фиксируется с XV в.³² Н. Ф. Катанов полагает, что этот процесс отражен в эпиграфических памятниках Поволжья XIII—XIV вв., писанных арабским алфавитом³³.

Слово *Шапашкар* относится к образованиям типа: *Сыктывкар, Кудымкар, Шурышкар, чашкар* и т. п., в которых *-кар* обозначает 'город', 'селение', 'место'. На языке коми *Сыктыв-* название р. Сысола, *кар-* 'город', мар. *шурыш-* 'болото', *чашкар* 'чащоба', т. е. 'место, плотно заросшее кустарником'. Элемент *-кар* в указанных значениях широко употребляется в качестве самостоятельного слова в финно-угорских, особенно пермских, языках³⁴. Некоторые ученые признают слово *кар* иранизмом, иранизмы в финно-угорских языках фиксируются в значительном количестве³⁵. Чувашский язык не знает слова *кар* в указанных значениях, в нем употребляются соответственно *хула, хола* из др.-тюрк. *qala* 'город'; *ял* 'селение, деревня' из др.-тюрк. *aγil*, первоначально 'загон для скота'³⁶. *Кар* в чувашском изредка встречается в составе топонимических названий, в основном на территории, близкой к горномарийскому району Марийской АССР, вроде: *моркар, шашкар* и некоторых др., которые не воспринимаются как сложные слова и их этимоны местным жителям неясны.

Элемент *шапаш-* рассматриваемого слова также находит соответствие в марийском *шовáш* 'бурак, маленькая кадушка для пива'³⁷, *шáваш* 'кадушка, долбленка'³⁸, последнее И. Рамстедт отметил также в горномарийском в значении 'большая посуда для хранения белья и одежды'³⁹. В верховом наречии чувашского языка зафиксировано *шопашка* 'долбленая кадка из цельного дерева, в которой хранятся белье и одежда'⁴⁰; в низовом наречии, а также в части верхового — этого слова не знают и вместо него в том же значении употребляют *сýнсе*, имеющее генетические соответствия в ряде других тюркских языков⁴¹. Слово *шопашка* таких

³¹ Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. 1. Чебоксары, 1954, с. 159 и след.

³² Benzling I. Einführung in das Studium der altischen Philologie und Türkologie. Wiesbaden, 1953, S. 127.

³³ Катанов Н. Ф. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, с. 7, 13.

³⁴ Лыткин — Гуляев, с. 116 и сл.

³⁵ Лыткин В. И. О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках. — Изв. ОЛЯ, 1951, т. X, вып. 4, с. 385—392; Он же. Пермско-иранские языковые контакты. — ВЯ, 1975, № 3, с. 84—97; Joki A. I. Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki, 1973.

³⁶ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 410 и 18; Егоров, с. 303 и 352.

³⁷ Марийско-русский словарь. М., 1956, с. 711.

³⁸ Там же, с. 687.

³⁹ Ramstedt J. Bergtscheremissische Sprachstudien. Helsingfors, 1902, S. 223.

⁴⁰ Ашмарин Н. И. Указ. соч., т. XVII, с. 224.

⁴¹ Егоров, с. 223.

генетических соответствий в других тюркских языках не имеет. М. Ряснен утверждает, что луговые марийцы город Чебоксары называют *Šovakš eŋer*⁴². До Ряснена об этом же писал Н. И. Золотницкий: «луговые черемисы называют город Чебоксары *Шабакшинэрь*⁴³ (вм. *Шабакши инэрь* — ‘кадка+речка’ = ‘кадка с речки’ (?) — А. Л.). Поскольку, как заметил Рамстедт, горные марийцы тот же город называют *Шавашар*⁴⁴, то ясно, что в горномарийском с ранних пор развивалась спирантизация, взрывные либо заменялись плавными, либо выпадали, поэтому *Шапашкар* дало *Шавашар*.

Судя по приведенным данным, название города Чебоксары — *Шапашкар* является марийским словом. Чуваши, или булгары, поселились в северных лесных районах, в том числе, надо полагать, и в Шапашкаре, после 1236 г. (в этом году пало Булгарское государство)⁴⁵. По археологическим данным Шапашкар как город существует со второй половины XIII в., или, по крайней мере, не позднее начала XIV в.⁴⁶ Первоначально это могло быть небольшое марийское селение, где жители занимались изготовлением кадучек. Позднее, в XIV—XVI вв. Шапашкар стал городом с развитым ремеслом, в частности, с широко развитым изготовлением деревянных изделий как долбленых, так и клепаных, точеных и т. д.⁴⁷ «В раннем комплексе чебоксарской керамики. . . в определенной степени сочетаются черты как финно-угорского, так и болгарского керамического производства»⁴⁸, — пишут археологи. Этот факт явно свидетельствует о том, что в городе жили и марийцы и чуваши; позже чувашаи ассимилировали марийцев.

Н. Я. Марр считал, что *Шупашкар* значило «город шупашей», т. е. чувашей⁴⁹. К этой этимологии присоединился В. Г. Егоров. Известно, что марийцы чувашей называют *суаз*, а это последнее, по мнению В. Г. Егорова, марийцы могли произносить и *шуваш*, откуда и *чаваш*⁵⁰. При этом автор не отрицает того факта, что первоначально Шупашкар был марийским селением. Как же так: своему селению марийцы дали чувашское название? Как мы отметили выше, первоначальное название селения могло быть только *Шапашкар*. А это исключает фонетическое сближение *суаз* и *шапакша* или *шавакша*.

⁴² *Räsänen M.* Die tchuwassischen Lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki, 1920, S. 267.

⁴³ *Золотницкий Н. И.* Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875, с. 258.

⁴⁴ *Ramstedt J.* Op. cit., S. 124.

⁴⁵ *Карягин Ф. А.* Перепесенные названия и их связь с историей заселения Чувашской АССР. — В кн.: Ономастика Поволжья, 2. Горький, 1971, с. 190 и след.; *Краснов Ю. Л., Казовский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. М., 1978, с. 160 и след.

⁴⁶ *Краснов Ю. А., Казовский В. Ф.* Указ. соч., с. 10—22, 156.

⁴⁷ Там же, с. 104—128.

⁴⁸ Там же, с. 162.

⁴⁹ *Марр Н. Я.* Чувашаи-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1925, с. 70.

⁵⁰ *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык. . . , с. 20.

По Е. Г. Корнилову, Шубашкар представлял собой болгарскую крепость, что якобы видно из состава слова *шубаши* < др.-тюрк. *sü baši* 'военачальник' и *кар* 'город', 'крепость', 'укрепление'⁵¹. При этом автор не объясняет, почему с болгарским, по его мнению, словом *шубаши* соединено финно-угорское *кар*. В чувашском языке 'войско' обозначается не *sii* (оно известно в основном в восточнотюркских языках), а *çар* < др.-тюрк. *çerig* < др.-инд. *kṣatrika-*, получившего почти общетюркское распространение⁵². Переход *г* > *ç* мы наблюдаем в *arik* > *iççë* 'горький', отпадение же конечного *g* в чувашском достаточно известно. Следовательно, в чувашском языке древнетюркское *sii baši* передается как *çар нуçë* < **s'ar baši*. Это значит, что *шубаши* не могло войти в русский язык из болгарского языка. В Хрестоматии С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, откуда взял Корнилов слово *шубаши*, последнее — из сочинения И. С. Пересветова «Сказание о Махмет салтане», написанное в XVI в., где читаем: Да послал (Махмет салтан) по городом. . . паши вѣрныя і кадык, і шубаші, і амини (изд. 2, с. 249). Совершенно ясно, что в этом тексте *шубаши* — турецкое слово. Как название какого-то турецкого начальника употребил слово *шубашь* и Афанасий Никитин⁵³; в виде *субаша*, *шубаша*, как заимствование из турецкого языка, слово известно в разных значениях в сербохорватском, болгарском, албанском⁵⁴.

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ НАЗВАНИЙ БОЕВЫХ НОЖЕЙ

Эта статья построена на ограниченном материале письменных памятников XI—XVII вв.: в ней не рассматриваются сущ. *кинжалъ* и созвучные с ним слова, уже описанные нами¹. О.-слав. *ножь* (ср. ст.-слав. *ножа*, болг. *нож*, макед. *нож*, с.-хорв. *нож*, род. п. *ножа*, словен. *nôž*, род. п. *nôža*, чеш. *niž*, словац. *nôž*, польск. *nóż*, род. п. *noża*, в.-луж., н.-луж. *nož*, укр. *ніж*, род. п. *ножа*, блр. *нож*) неотделимо от *заноза*, *вонзить*, *пронзить* и возводится к **nozjos*; далее сближается с греч. *νόζω*, атт. *νόζω* 'колю', буд. вр. *νόζω*, ирл. *ness* 'рана' (< **nekso-*)². Его семан-

⁵¹ Корнилов Г. Е. Почему по-русски Чебоксары, по-чувашски Шубашкар? — В кн.: Ономастика Поволжья, 2, с. 165 и след.

⁵² Древнетюркский словарь, с. 144; Егоров, с. 203.

⁵³ Хождение за три моря Афанасия Никитина, с. 51.

⁵⁴ *Skok* III, с. 355.

¹ Одинцов Г. Ф. Из истории формирования и развития системы 'старорусских названий кинжалов и шпаг. (*Кинжалъ* и созвучные с ним слова в системе русских оружейных терминов) (рукопись).

² *Fasmer* III, с. 80.